

Сперва ей показалось, что грудь ее расширяется, расширяется и что душа ее, такая тяжелая, удрученная горемъ, становится все легче и легче, точно тяжесть, давившая ее грудь, сняли. Какое-то сильное и пріятное ощущеніе насквозь проникало въ нее, во всѣ ея члены до самаго кончика пальцевъ на ногахъ и рукахъ; что-то вливалось въ ея тѣло, нѣчто въ родѣ сладкаго опьянѣнія.

Она замѣтила, что вата суха, и удивилась, что еще жива. Всѣ чувства ея какъ будто бы изощрились, стали гораздо тоньше. Она слышала все до послѣдняго слова, что говорилось на террасѣ, князь Кравалонъ рассказывалъ, какъ онъ дрался на дуэли съ однимъ австрійскимъ генераломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до нея доносились издали разные ночные звуки, лай собакъ, короткій вопль жабы, едва примѣтный шелестъ листьевъ.

Она взяла бутылку, и снова намочивъ вату, стала ее нюхать. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, она ничего не чувствовала, затѣмъ пріятное и сладкое ощущеніе, испытанное ею предъ тѣмъ, снова овладѣло ей.

Два раза она наливала хлороформъ на вату, такъ какъ теперь уже жаждала этого чуднаго физическаго и нравственнаго ощущенія, этой мечтательной дремоты, въ какую погружалась ея душа.

Ей казалось, что у ней нѣтъ больше костей, нѣтъ больше мяса, нѣтъ ни рукъ, ни ногъ. У ней отнялось все это потихоньку, такъ что она и не замѣтила. Хлороформъ упразднилъ ея тѣло и оставилъ ей только мысль, болѣе живую, смѣлую, свободную, чѣмъ когда бы то ни было.

Она припоминала тысячу позабытыхъ ею вещей, разныхъ мелочей, пустяковъ изъ эпохи ея дѣтства, и это доставляло ей удовольствіе. И умъ ея, вдругъ одаренный невѣданной дотолѣ быстротой, перескакивая отъ одной мысли къ другой, совсѣмъ противоположной, бродилъ въ прошломъ, уносился въ неизвѣстное будущее. И эта дѣятельная и лѣнивая вмѣстѣ съ тѣмъ мысль доставляла ей чувственное наслажденіе; она испытывала божественную сладость думать такимъ образомъ.

Она все еще слышала голоса, но уже не различала словъ, имѣвшихъ теперь для нея иной смыслъ. Она погружалась въ какія-то странныя и волшебныя сновидѣнія. Она видѣла себя на большой лодкѣ, плывшей мимо чудной страны, усыянной цвѣтами. Она видѣла людей на берегу и эти люди что-то говорили. Затѣмъ она неизвѣстно какъ очутилась на твердой землѣ, и Сер-